

Политика

КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане

© 2019

Н.А. Замараева

Статья анализирует позицию Китая по урегулированию кризиса в Афганистане. Представлена динамика подходов Пекина с учетом внутриафганских и региональных вызовов — укрепления вооруженной оппозиции в Афганистане, ее влияния на мусульман-уйгуров Синьцзяна, усиления стратегического партнерства США и Индии в регионе. Переломным для региона стал 2015 год, когда Пекин и Исламабад подписали документы с целью создания китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК).

Ключевые слова: Афганистан, боевики, правительство национального единства, Китай, Пакистан, США, уйгуры.

DOI: 10.31857/S013128120005264-1

События в Афганистане и антитеррористическая кампания там коалиционных войск США и НАТО в 2001–2014 гг. поставили перед Китаем ряд вызовов:

- многолетнее военное присутствие войск НАТО в непосредственной близости от государственной границы Поднебесной;
- террористическая активность мусульман-уйгуров в Синьцзяне и активизация их борьбы за создание независимого государства;
- блокировка «мятежным» Афганистаном выхода на богатые углеводородным сырьем рынки Центральной Азии, Ирана, Турции, а также в кавказские республики и страны Евросоюза;
- соперничество с Индией за влияние на Афганистан. Укрепление стратегических отношений США и Индии — главного экономического конкурента Китая в регионе, привело в ноябре 2018 г. к исключению иранского порта Чабахар (инфраструктурный проект Нью-Дели) из санкционного списка США.
- рост напряженности в пакистано-афганских отношениях по целому ряду проблем.

Одним из новых вызовов для Китая стал заявленный президентом Д.Трампом в декабре 2018 г. вывод 7-тысячных американских войск из Афганистана. Провал военной кампании США, непоследовательность в действиях американской администрации

Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: olunja@mail.ru.

приведут к созданию политического вакуума и дальнейшему усилению борьбы за власть внутриафганских сил.

Пекин и Вашингтон преследуют в Афганистане разные цели. Активизация Белого дома в диалоге с движением «Талибан» (ДТ) в 2017–2019 гг. преследует цель «убедить» талибов согласиться с действующей Конституцией ИРА, сложить оружие и отказаться от шариата. Но его действия по-прежнему наталкиваются на вооруженное сопротивление оппозиции.

Курс Пекина на последовательный диалог противоборствующих сторон в Афганистане остается неизменным на протяжении всех лет конфликта. Военное, экономическое и политическое участие Китая в Афганистане обусловлено защитой внутренней безопасности и экономических проектов Поднебесной. Пекин, в одиночку или в паре с Исламабадом, последовательно «подталкивал» внутриафганские силы и страны региона признать его роль в примирении в Афганистане. Он применял гибкий подход, политику «мягкой силы», вкладывал инвестиции, наконец, вел переговоры с представителями правительства национального единства, различными политическими партиями и вооруженной оппозицией. Поиск Пекином компромиссов с афганцами лишь обострял американо-китайские противоречия в регионе, которые усилились с началом в июле 2018 г. торговой войны между двумя странами.

Афганистан занимает особое место в системе внешнеполитических приоритетов Пакистана, Индии, Ирана, Китая и России, традиционно являясь важным элементом их стратегии национальной безопасности. С учетом географического положения этой страны на стыке континентов затягивание разрешения афганского кризиса предопределило столкновение транспортно-логистических и торгово-экономических интересов указанных стран:

- китайской инициативы «поояса и пути»;
- афгано-ирано-индийского транспортного коридора от порта Чабахар и далее сухопутного маршрута в Афганистан;
- российских предложений в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и международного коридора Север — Юг.

Ситуация с безопасностью в регионе ухудшается в связи с перемещением иностранных боевиков террористической организации «Исламское государство» (ИГ) в Афганистан. Эти вызовы можно преодолеть совокупными усилиями, но в пост-конфликтной обстановке.

События начала 90-х годов XX века в Афганистане, вооруженная борьба этнических группировок за лидерство, приход к власти в октябре 1996 г. движения «Талибан» и провозглашение Исламского эмирата Афганистан (ИЭА) оказали влияние на формирование самосознания китайских мусульман-уйгуров, проживающих в пограничном с Афганистаном регионе Северо-Западного Китая. Их призывы к борьбе за выход из состава КНР тревожили власти Поднебесной. Несмотря на международную изоляцию Афганистана в последней декаде XX века, Пекин предпринял несколько попыток наладить контакты с лидерами ИЭА.

Следуя принципу поддерживать отношения со страной, а не с отдельными администрациями, в сентябре 2001 г. Китай одним из первых признал новые власти в Афганистане после падения режима талибов. Пекин стал первой столицей, куда в январе 2002 г. Х. Карзай прибыл с официальным визитом в качестве главы переходной администрации. В июне 2006 г. Президент Х. Карзай и Председатель Си Цзиньпин подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве между КНР и Исламской Республикой Афганистан (ИРА). Китай оказал финансовую помощь Афганистану в восстановлении экономики, выделив около 250 млн долл. В последующие годы Пекин вкладывал миллиарды долларов в инфраструктуру, добычу полезных ископаемых и энергетические ресурсы ИРА.

Индия также оказывала финансовую помощь Афганистану, инвестируя туда с начала XXI в. 2 млрд долл.

Объявленный в январе 2009 г. президентом США Б. Обамой вывод американских войск из Афганистана активизировал действия региональных элит, дав старт выработке формулы дальнейших взаимоотношений с Кабулом. Общими были три составляющие: развитие экономических связей, формирование среды безопасности и культурный обмен.

Начиная с 2013 г. Пекин активизировал дипломатические усилия в решении внутриафганского конфликта как на региональном, так и на местном уровнях. Это совпало по времени с реализацией его инициативы «Один пояс, один путь». Провозглашалось создание единой региональной транспортно-логистической сети, один из отрезков которой планировался через афганскую территорию и далее в республики Центральной Азии или в Иран.

Дезинтеграция Советского Союза в 90-х годах XX в. открыла для Китая новые рынки государств Центральной Азии. Но путь к ним лежал через мятежный Афганистан. Стабильность социально-экономического и политического развития в Афганистане гарантировала неповторение событий 1990-х годов.

Китай следил за попытками США организовать переговоры с лидерами движения «Талибан», которых в сентябре 2001 г. они же отстранили от власти. Опыт и просчеты оппонентов Пекин использовал при формировании своей формулы посредничества во внутриафганском конфликте. Он заручился гарантиями поддержки каждой из сторон конфликта, а в регионе — в первую очередь Исламабада.

Пакистан всегда имел больше рычагов влияния на Афганистан, чем другие страны, учитывая общность исторических, культурных, религиозных языковых и этнических связей. Но главным оставался пуштунский фактор, который был решающим для официального признания Исламабадом в 1990-х годах правительства Исламского Эмирата Афганистан¹.

Пакистан — одна из трех стран (Саудовская Аравия, ОАЭ), которые установили дипломатические отношения с ИЭА в 1990-е годы. В сентябре 2001 г. под влиянием событий в Кабуле и давления со стороны США произошел крутой перелом его стратегического курса. Исламабад и движение «Талибан», вчерашние союзники, стали врагами. Тем не менее Исламабад «приютил» часть афганских талибов на своей территории. По информации пакистанских СМИ, «повелитель правоверных» эмир ИЭА мулла Омар после бегства из Афганистана в 2001 г. проживал на территории Пакистана до своей кончины в 2013 г.

Посреднические усилия Пекина в 2009–2019 гг. на региональном и международном уровнях воспринимались благожелательно, учитывая, что Поднебесная никогда не была стороной внутриафганского конфликта.

Переговорный процесс активизировался в 2014 г. в преддверии вывода войск Международных сил содействия безопасности (МССБ) из Афганистана. В июле 2014 г. МИД Китая назначил высокопоставленного дипломата Сан Ючжи специальным представителем в Афганистане. Тогда же Пекин провел первый трехсторонний форум с участием Исламабада и Кабула, объявил о финансировании ряда крупных энергетических и инфраструктурных проектов в Афганистане.

Предложения по расширению трехстороннего диалога Китай адресовал Индии и Ирану. Тогда же он обратился к Саудовской Аравии и другим странам Персидского залива, во-первых, рассматривая их в ряду основных источников финансирования отдельных группировок афганских талибов и, во-вторых, в поисках поддержки для налаживания контактов и организации встреч с талибами. Китайские дипломаты провели ряд встреч с эмиссарами афганских талибов в Эр-Рияде, Дохе и в Пакистане, но прогресса в те годы не достигли.

Успешное завершение избирательного процесса 28 сентября 2014 г., формирование правительства национального единства (ПНЕ), первая в истории Исламской Республики Афганистан мирная передача власти от одного избранного главы государства следующему (в лице президента Ашрафа Гани Ачакзая) не приблизили нормализацию обстановки в стране. Одним из вызовов оставалась реализация Программы национального примирения — переговоры с вооруженной оппозицией, движением «Талибан».

Перед президентом А. Гани стояла задача привлечь всех политических субъектов страны в «законную сферу политики». Учитывая отказ талибов с 2001 г. от прямых переговоров, встал вопрос выбора международного посредника. Шесть пограничных с Афганистаном стран (Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) ПНЕ рассматривало как первый круг ответственных за стабилизацию обстановки в регионе. Далее следовали исламский мир, Северная Америка, Европа, Япония, Австралия и члены НАТО/МССБ. Завершали список ООН, международное гражданское сообщество и неправительственные организации.

Президент А. Гани остановил свой выбор на Китае, посреднический опыт которого имел две отличительные черты: во-первых, китайцы «охватили» всех основных игроков, вовлеченных в конфликт как внутри Афганистана, так и в регионе; во-вторых, они проявили максимум нейтралитета ко всем участникам, чем и заслужили авторитет даже среди афганских талибов.

Правительство национального единства отдавало отчет, что долгосрочная устойчивость его экономики могла быть обеспечена за счет расширенной интеграции в регионе, инвестиций «гигантов» — Индии и Китая. По примеру правительства Х. Карзая, президент А. Гани первоначально сделал ставку на Китай с перспективой включения Афганистана в инициативу «Один пояс, один путь».

Первый зарубежный визит президент А. Гани совершил в Китай в октябре 2014 г., менее чем через месяц после инаугурации. Китайский лидер Си Цзиньпин не ставил задачу заменить западные войска, выводимые из Афганистана, и заверил своего визави, что вопросы внутренней безопасности страны находятся в ведении Кабула. Приоритетными для сторон оставались ликвидация иностранных боевиков, финансовая и техническая помощь в восстановлении инфраструктурных объектов. В период с 2001 по 2013 г. Китай оказал Афганистану экономическую помощь на сумму 240 млн долл.² Всем известны китайские инвестиции в месторождение медного рудника Айнак, в строительство Республиканского госпиталя³. Тогда же, в октябре 2014 г. Пекин предоставил Кабулу заем на сумму 327 млн долл. и пригласил на обучение 3 тыс. афганских специалистов. Пекин направил инвестиции на строительство трубопроводов, монтаж электрических сетей и других объектов инфраструктуры. На фоне дипломатических успехов КНР, Исламабад в свою очередь, вновь заявил в октябре 2014 г. о возобновлении энергетического проекта CASA-1000.

Центральная Азия, богатая водными, энергетическими ресурсами и товарными рынками манила Поднебесную. Именно в транспортной, экономической, логистической цепочке Афганистан—Пакистан—Китай возможна, по мнению Пекина, реализация крупных взаимовыгодных сделок. Например, нефтяной проект в бассейне Амударьи в перспективе поможет Афганистану в оздоровлении его экономики.

«Треугольник стабильности» и «особые отношения» — так в 2014 г. были охарактеризованы отношения трех стран с заявленной целью построения всеобъемлющего и долговременного партнерства. Вновь заговорили о так называемой Памирской группе стран, сопряженная территория которых представляет «перекресток» товаров, идей, культур и религий между Китаем, Центральной Азией, арабским миром и Европой. Тогда же президент А. Гани заявил, что предстоящие годы — это период устойчивой трансформации его страны, программа действий с последующим ее включением в китайскую инициативу Шелкового пути.

Смена политического лидера в Афганистане в сентябре 2014 г. способствовала нормализации отношений Кабула и Исламабада. Однако теракт в декабре того же года в Пешаваре, ответственность за который взяли талибы, базировавшиеся в Афганистане, вновь обострил двусторонние отношения.

В этих условиях Пекин выступил посредником и инициировал в феврале 2015 г. трехсторонний диалог Китай—Пакистан—Афганистан. Основная цель — совместная борьба против террористов в пограничных районах и взаимная гуманитарная помощь⁴.

Страны региона также вносили свой вклад в урегулирование внутриафганского конфликта. 2 ноября 2011 г. стартовала первая конференция, организованная Турцией, под названием «Сердце Азии, Стамбульский процесс». Китай присоединился к инициативе и 31 октября 2014 г. принимал участников 4-й конференции. Позднее они проводились ежегодно: 14 июня 2012 г. — в Афганистане; 26 апреля 2013 г. — в Казахстане; 31 октября 2014 г. — в Китае; 9 декабря 2015 г. — в Пакистане; 4 декабря 2016 г. — в Индии; 1 декабря 2017 г. — в Азербайджане. Кабул приветствовал коллективное и скоординированное реагирование на угрозы негосударственных субъектов, имея в виду террористическую группировку «Исламское государство» на территории Афганистана.

Несмотря на устойчивость двусторонних отношений, по ряду вопросов Кабул и Пекин придерживались разных позиций. Китай имеет общую границу с Афганистаном протяженностью немногим более 70 км в районе узкого Ваханского прохода. С 90-х годов XX в. китайцы блокируют его, опасаясь, что уйгурские боевики хлынут с территории Афганистана и «исламистская волна» докатится до Синьцзяна. Опасения Китая усилились в 2001–2014 гг., в период антитеррористической кампании МССБ. Тренировочные базы уйгуров-мусульман из Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ), расположенные в Афганистане и Пакистане, Пекин также рассматривал как угрозу национальной безопасности, допуская, что после вывода коалиционных войск из региона боевики вернутся в Китай и «...район погрузится в хаос». Угрозу СУАР представляют боевики «Исламского государства» (ИГ), бегущие из Ирака и Сирии в Афганистан⁵.

Еще с конца XX в. сепаратистски настроенные этнические уйгуры выступали за создание отдельного государства — Восточный Туркестан⁶. Организация «Исламская партия Туркестана» (ИПТ), известная также под названием ИДВТ, была создана в 1990-х годах. Она функционирует в Китае, странах Центральной и Южной Азии. В первой декаде XXI в. имела базы в зоне племен Пакистана и приграничных провинциях Афганистана. Лидеры ИПТ занимали руководящие позиции в «Аль-Каиде». Абдул Хак аль-Туркестани, бывший полевой командир группировки, и Абдул Шакур аль-Туркестани входили в руководящий состав «Аль-Каиды». В тренировочном лагере «Аль-Каиды» в Тора-Бора Абдул Хак в 1990-е годы обучал новобранцев в Афганистане. Военную подготовку в Афганистане прошли более 1000 боевиков, выходцев из Китая. Позднее они привлекались к участию в боевых действиях против «Северного альянса» на стороне талибов и подрывной деятельности против КНР и центральноазиатских государств. Затем Абдул Хак перебрался в Пакистан, в центр подготовки иностранных боевиков. Там же, в столичном Миран Шахе, располагалась штаб-квартира ИПТ.

Китайские официальные лица характеризовали ИПТ как террористическую организацию, обвиняя ее в совершении терактов и угрозах срыва Олимпийских игр в Пекине в 2008 г.⁷

Еще в ходе первого визита в Китай в октябре 2014 г. президент А. Гани убеждал руководство КНР открыть проход с коммерческой целью, подтвердив готовность афганской стороны к борьбе против ИПТ. Принимая во внимание, что регион, простирающийся от Каракорума до Вахана, остается наиболее уязвимым с точки зрения безопасности⁸, Пекин отказался⁹. Но отказ Поднебесной не остановил Кабул. В 2018 г. стороны договорились, что национальная афганская армия обучит горную бригаду в составе НОАК патрулированию Ваханского коридора¹⁰.

Ваханскому проходу Пекин отводит также стратегическую роль исходной точки для «афганского трека» инициативы ОПОП. Именно Вахан рассматривается Пекином как площадка для центральноазиатского и южноазиатского промышленного парка и складских сооружений.

В настоящее время СУАР располагает слабой производственной базой. Учитывая сложные высокогорные природные и географические условия в пограничном районе Китая и Пакистана, строительство и эксплуатация крупных инфраструктурных объектов являются высокочрезвычайными. В последние годы Пекин занят модернизацией и ремонтными работами Каракорумского шоссе, соединяющего Китай и Пакистан.

Исламабад приступил к решительным действиям в регионе в преддверии вывода войск МССБ из Афганистана. Командование армии отдало 22 мая 2014 г. приказ о начале военной операции с целью ликвидации иностранных боевиков (включая китайских уйгуров). НОАК давно настаивала на их уничтожении¹¹. Военные действия начались вскоре после атаки боевиков в Урумчи (погиб 31 человек) и похищения гражданина КНР на северо-западе Пакистана, ответственность за которое взяло движение «Талибан».

Позднее МИД Пакистана заявил, что успех военной операции в зоне пуштунских племен подтвердил жизнеспособность пакистано-китайской концепции «азиатской безопасности».

Главное для Китая, однако, состояло в том, что не были уничтожены сепаратистские элементы. Одновременно активизировались группировки «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), также «выдавленные» с территории Пакистана.

В конце декабря 2014 г. командование МССБ заявило о выполнении боевого задания. 8 января 2015 г. афганские национальные силы обороны и безопасности (АНСОБ) приняли на себя всю полноту ответственности за безопасность в стране. Задачи новой «миссии решительной поддержки» с января 2015 г. были ограничены консультированием и оказанием помощи АНСОБ. Талибы и присоединившиеся к ним иностранные группировки расценили вывод войск МССБ как победу над оккупантами, что привело к резкому вооруженному противостоянию в Афганистане.

За годы военной кампании ММСБ движение «Талибан» не только самоорганизовалось, но к 2014 г. представляло военную силу, контролировавшую половину территории страны, выдвигая основное требование о выводе иностранных войск.

Весеннее наступление вооруженной оппозиции, традиционное для южных провинций Афганистана, в 2015 г. в силу ряда причин дополнилось наступлениями на объекты национальной армии и гражданской администрации в восточных и северо-восточных районах. Позиции президента А. Гани были ослаблены. Прокабульские силы оказались разрозненными (девять месяцев потребовалось только на формирование правительства национального единства). Для руководства Афганистана ситуация стала критической. Не исключались попытки группировок талибов свергнуть правительство и вновь захватить Кабул по сценарию октября 1996 г. Это создавало опасность дальнейшего роста трансграничного экстремизма, распространения наркоугрозы в регионе.

Тогда же произошел перелом в позиции ДТ по переговорному процессу. Боевики согласились с форматом диалога, но отказались встречаться с представителями правительства национального единства.

Угроза дестабилизации Афганистана, повторной вспышки исламского экстремизма в регионе и, как следствие, откладывание на неопределенный срок афганской секции «Шелкового пути» убедили Китай и Пакистан в необходимости активизации посредничества во внутриафганском конфликте. Стороны вновь подтвердили поддержку афганскому процессу мира и примирения¹².

Форма правления и государственного устройства, распределение властей в Кабуле — основные вопросы переговоров движения «Талибан» и международных посредников, включая Китай.

В феврале 2015 г. министр иностранных дел Китая Ван И подтвердил, что Пекин поддерживает правительство Афганистана в вопросе примирения с различными политическими и вооруженными группировками, в том числе талибами, готов играть конструктивную роль и оказать содействие. Одновременно Китай анонсировал финансирование гидроэнергетического проекта на востоке Афганистана в провинции Кунар мощностью 1500 МВт. Ввод в эксплуатацию плотины предполагал поставки электроэнергии и в Пакистан. В дальнейшем Китай планировал инвестировать в строительство автомагистрали от Кабула до пакистанского города Пешавар, в железнодорожное полотно от Кветты (столица провинции Белуджистан) до афганского Кандагара.

Трехсторонний диалог продолжился в мае 2015 г. в китайском Урумчи. Его следует рассматривать в рамках подготовки к первому прямому диалогу ДТ с представителями правительства национального единства Афганистана. До этого международные посредники (Китай, Пакистан, США) в неформальной обстановке встречались с членами Политической комиссии «Талибан» (штаб-квартира в Катаре). Талибы выдвигали требование о предоставлении им равного участия в управлении государством. Весной 2015 г. и другие группировки афганского «Талибан» несколько раз садились за стол переговоров в Норвегии, Франции, Японии и других странах.

Начиная с 2015 г. Китай и Пакистан активизировали усилия в урегулировании внутриафганского конфликта. Это объяснялось также приходом в Пакистан инфраструктурного проекта китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), пакет документов которого был подписан в апреле 2015 г. Первоначально его стоимость составляла 46 млрд долл., запланированный рост ВВП — 3% в год. Реализация стратегически важного проекта, часть маршрутов которого планировалось провести в непосредственной близости к границам Афганистана, заставляла Исламабад применять все средства защиты и безопасности. Связанные с оборонным комплексом компании, представлявшие одну из крупнейших строительных корпораций Пакистана, осуществляли строительные работы по проекту КПЭК. Афганский вектор внешней политики Пакистана традиционно контролировался генералитетом.

В перспективе Китай планировал, что сухопутный маршрут от порта Гвадар через пакистанский Белуджистан вверх до Кашгара пойдет далее по территории Афганистана, что позволяло Пекину «подключить» Кабул к водам Ормузского пролива и одновременно «регулировать» товарно-транспортные потоки из стран Запада до Шанхая. Выход в Ормузский пролив позволял Пекину контролировать движение танкеров с сырой нефтью из ближневосточных стран, что вызывало опасения Белого дома.

Однако противостояние сторон в Афганистане тормозило реализацию проекта. И только коммерческая заинтересованность талибов, участие их в афганской части китайской инициативы могло склонить к переговорам и дальнейшему урегулированию.

Вторая половина 2015 г. стала переломным моментом для трехстороннего китайско-афгано-пакистанского форума. Вызовом явилось обострение пакистано-афганских отношений в конце 2014 г. В сложившихся обстоятельствах Пекин в одностороннем порядке предпринимал шаги во внутриафганских процессах и одновременно успешно выступал медиатором в урегулировании конфликта между Исламабадом и Кабулом.

7 июля 2015 г. в рамках обязательств по обеспечению внутриафганского процесса мира и примирения Пакистан принимал представителей правительства национального единства и ДТ. Встреча состоялась в рамках четырехсторонней координационной группы. В качестве наблюдателей присутствовали Китай и США. В отличие от проведенных в прежние годы консультаций, это был первый раунд переговоров, когда все его участники (по заявлению МИД Пакистана) были наделены официальными полномочиями.

Исламабад назвал переговоры «прорывными»¹³. Стороны выразили намерение принести мир в Афганистан и в регион. Успех переговоров прокладывал путь к активному диалогу в Афганистане с участием вооруженной оппозиции.

Несколько дней спустя в пакистанской газете The Nation появилась информация, в которой утверждалось, что лидер афганских талибов мулла Мухаммад Омар удовлетворен посредничеством Пакистана. Одновременно подчеркивалось, что «обязательным остается священный джихад, чтобы освободить любимую родину и восстановить исламскую систему».

Однако последующие события перечеркнули усилия всех сторон, задействованных в организации диалога. МИД Пакистана выступил с заявлением о том, что «... в связи с сообщениями о смерти муллы Омара, возникшей неопределенностью и по просьбе руководства афганских талибов второй раунд мирных афганских переговоров, запланированный на 31 июля 2015 г., откладывается. Пакистан и другие дружественные Афганистану страны выразили надежду, что руководство «Талибан» продолжит участие в мирных переговорах в целях содействия установлению прочного мира в Афганистане...».

Провал второго раунда переговоров последовал за обнаружением в пакистанских СМИ информации о кончине муллы Омара еще в апреле 2013 г. Циркулировало много слухов, относительно того, кто выдал великую тайну о судьбе «повелителя правозащитных». События июля 2015 г. усилили разногласия между афганскими оппозиционными группировками, пакистанскими талибами, действовавшими на территории Афганистана, обострили отношения между вооруженной оппозицией и властями Кабула, наконец, надолго «поссорили» президента А. Гани и военно-гражданские власти Пакистана.

Главным выгодополучателем от провала внутриафганских переговоров в 2015 г. стала Индия. Нью-Дели считал связи боевиков «Аль-Каиды», действовавшей в Афганистане в 1996–2001 гг., с вооруженными пакистанскими группировками угрозой своим позициям в Кашмире, утверждая, что именно боевики, прошедшие подготовку в тренировочных лагерях на севере Пакистана, совершили теракты в Мумбаи в ноябре 2008 г. и в июле 2011 г.

В отличие от Китая, Индия в 2002–2018 гг. поддерживала отношения исключительно с правящими администрациями Кабула, отвергая какие-либо переговоры с движением «Талибан». Усиление роли Исламабада и Пекина в афганском урегулировании Нью-Дели считал подрывом афгано-индийского Пакта о стратегическом партнерстве, подписанного 5 октября 2011 г.¹⁴ Благодаря ему Индия получила институциональную основу для наращивания политического потенциала в Афганистане. Финансовая помощь и инвестиции в размере 2 млрд долл. индийская сторона направила на развитие торговой кооперации, обороны, сотрудничества в сфере образования. Впервые была подтверждена ее роль в обеспечении внутренней безопасности Афганистана. Соглашение включало обязательство индийских ВС обучать афганские силы безопасности, в том числе полиции. Тогда же президент Х. Карзай взял курс на расширение сотрудничества с США, Евросоюзом и Индией, чтобы планировать будущее своей страны.

В том же году президент Х. Карзай и премьер-министр М. Сингх подписали два соглашения для ослабления энергетического кризиса в Афганистане и дальнейшей интеграции со странами Южной Азии¹⁵.

Напряженность в пакистано-афганских отношениях косвенно способствовала поступательному встречному движению президента А. Гани и премьер-министра Индии Н. Моди, который преследовал в Афганистане свои цели:

- блокировать действия Пакистана по восстановлению «преобладающего» влияния;
- предотвратить нападения афганских боевиков на индийские объекты;
- блокировать проекты КПЭК, заявляя о вмешательстве Китая в дела Кашмира.

Индия сделала несколько символических подарков Афганистану. В декабре 2015 г. передала Кабулу новое здание парламента; заявила о выделении 1 млрд долл. на проекты по восстановлению народного хозяйства страны, что сделало ее одним из крупнейших доноров Афганистана. В июне 2016 г. главы государств запустили в эксплуатацию дамбу стоимостью 300 млн долл., реконструированную при инвестиционной под-

держке Нью-Дели. Плотины мощностью 42 МВт предназначена для орошения 75 000 га земли. Возведенный в провинции Герат на границе с Ираном еще в 1976 г. объект был поврежден во время гражданской войны в 90-х годах XX в. Техническое перевооружение осуществлялось силами 1500 индийских и афганских инженеров¹⁶. В июле того же года премьер-министр Индии Н. Моди и президент Афганистана А. Гани открыли восстановленный при финансовой поддержке Индии Большой дворец в Кабуле.

Возводя инфраструктурные и промышленные объекты в Афганистане, Индия одновременно, в сотрудничестве с Афганистаном и Ираном, повела наступление на экономические интересы Китая в регионе. Воспользовавшись натянутыми отношениями Пакистана и Ирана, в мае 2016 г. Нью-Дели убедил Кабул и Тегеран подписать соглашение о реконструкции иранского порта Чабахар, пообещав инвестировать 500 млн долл. Соглашение было исключительно выгодно и для Тегерана, так как расширяло экспорт иранской нефти на международный рынок, и для самой Индии¹⁷, так как заявленный торговый маршрут ставил целью положить конец изоляции Индии от региона Центральной Азии.

Индия рассматривает проект реконструкции порта Чабахар в качестве исходной точки торгового коридора, альтернативного КПЭК. Он, как и КПЭК, стартует от побережья Ормузского пролива, но далее пройдет через Иран и Афганистан в Среднюю Азию. Называлось несколько причин, почему Индия выступала против КПЭК: во-первых, Нью-Дели обвиняло Исламабад / Пекин в «захвате» части ее территории для прокладки маршрута КПЭК по «спорным» пакистано-индийским районам Кашмира; во-вторых, Индия протестовала против присутствия китайских ВМС в пакистанском порту Гвадар. Порт, занимая стратегическое положение между Аравийским морем и Персидским заливом, предоставляет Пекину кратчайший доступ к рынкам Ближнего Востока, Африки и Европы; в-третьих, Нью-Дели было обеспокоено тем, что КПЭК обслуживает цели экономического развития Китая. При благоприятном для Китая и Пакистана развитии ситуации в Афганистане северное плечо КПЭК «выводит» и Пекин, и Исламабад на новые мировые торговые, углеводородные и водные рынки.

Стремясь снизить возникшее напряжение, Китай продвигал дипломатию «мягкой силы», приглашая Индию присоединиться к инициативе «Шелкового пути». Он подчеркивал экономические выгоды для столиц региона, указывая, что «внеспорный» Кашмир имеет потенциал стать воротами в республики ЦА¹⁸.

Новым вызовом индийским интересам стало заявление президента США Д. Трампа в декабре 2018 г. о сокращении американского военного контингента в Афганистане в 2019 г. Это меняло сложившийся сценарий безопасности в Афганистане и в регионе. Борьба за власть прокабульских сил и вооруженной оппозиции неизбежно вела к гражданской войне, а усиление позиций талибов на родине укрепляло их позиции и в Кашмире, что было неприемлемо для Индии. Она опасалась подъема движения за независимость в Гималайской долине.

На протяжении всех лет конфликта в Афганистане Индия поддерживала позицию официальных властей Кабула: убедить движение «Талибан» признать Конституцию страны, сложить оружие и включиться в «политический мейнстрим». В отличие от Пекина Нью-Дели отказывался от прямых переговоров с вооруженной афганской оппозицией.

Новый сценарий безопасности (декабрь 2018 г.) требовал от Нью-Дели переориентации политики в отношении Исламабада и талибов. В январе 2019 г. командующий индийской армией Б. Рават, подтвердив национальные интересы в Афганистане, призвал к переговорам с талибами без предварительных условий¹⁹. Заявление начштаба контрастировало с позицией внешнеполитического ведомства Индии, которое продолжало поддерживать Кабульскую формулу «процесса мира и примирения» в Афганистане.

Очередной этап организации внутриафганского диалога стартовал в январе 2016 г. Он включал власти Афганистана и расширенное число международных посред-

ников — Китай, Пакистан и США, объединенных в рамках Четырехстороннего переговорного процесса. Но форум также потерпел фиаско, так как американская сторона настаивала на прямом диалоге афганского правительства и талибов²⁰.

В 2016 г. Россия активизировала дипломатию на афганском направлении. В декабре того года Москва провела первую встречу по урегулированию внутриафганского кризиса совместно с Пекином и Исламабадом. Обсуждалось ухудшение ситуации с безопасностью в регионе; особую обеспокоенность вызывала активизация экстремистских группировок, афганского крыла террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Кабул и Нью-Дели бойкотировали встречу в России.

Заявление президента России В. Путина в дни проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 8–9 июня 2017 г. в Астане о возобновлении Россией посреднической миссии в афганском переговорном процессе вызвало неоднозначную реакцию в Исламабаде и Пекине. Ни Китай, ни Пакистан не были заинтересованы в участии Москвы в урегулировании внутриафганского кризиса.

Пекин торопился с урегулированием отношений между Исламабадом и Кабулом. Напряженность между ними блокировала решение афганского конфликта, так как без мира между Афганистаном и Пакистаном только политического урегулирования недостаточно. В этот период председатель КНР Си Цзиньпин взял курс на то, чтобы представить Китай в качестве альтернативы США и России, отойдя от многолетней политики сохранения «низкого профиля КНР» в международных делах. Он вновь инициировал формулу переговоров: «Афганистан+Китай+Пакистан». В июне 2017 г. глава внешнеполитического ведомства Китая Ван И посетил обе столицы с целью создать коммуникационную платформу, т.е. содействовать улучшению отношений между Исламабадом и Кабулом, с тем чтобы это способствовало процессу примирения в Афганистане. Переговоры оказались успешными: были разработаны механизмы контроля кризисов, диалога между министрами иностранных дел трех стран.

Успех трехсторонних переговоров способствовал созданию механизма урегулирования, но главное, встреча подчеркнула растущую роль Китая в глобальных горячих точках. В рассматриваемый период Пекин при посредничестве Исламабада активизировал переговоры с лидерами группировок ДТ, а также с представителями политической оппозиции в Кабуле, в частности Гульбеддином Хекматъяром.

Дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в Афганистане и обострение пакистано-афганских отношений в 2017 г. перешли на новый уровень. «Масла в огонь» добавили резкие заявления президента США Д. Трампа, обвинявшего Исламабад:

- в укрывательстве на своей территории афганских боевиков, которые совершали трансграничные нападения на гражданские и военные объекты в Афганистане;
- в продвижении Пакистаном стратегических интересов в афганском переговорном процессе, используя влияние на лидеров движения «Талибан».

Заявления американской администрации в мае 2017 г. об увеличении численности американских военнослужащих в Афганистане на 3000–4000 человек вызвали отрицательную реакцию Исламабада и Пекина. 1 июня 2017 г. Пакистанский МИД заявил о невозможности военного решения афганского конфликта.

Стратегия в Афганистане и Южной Азии, обнародованная президентом США в августе 2017 г., стала новым вызовом Исламабаду и Пекину, приостановив их участие в четырехсторонней координационной группе²¹. Но две столицы продолжили самостоятельные переговоры с афганскими властями и с вооруженной оппозицией.

Сделав ставку на вооруженное решение внутриафганского конфликта в 2017 г., Белый дом перечеркнул усилия последних лет по переговорному процессу между властями Кабула и представителями вооруженной оппозиции в лице движения «Талибан» при участии КНР, Пакистана и США в качестве международных посредников. Одновременно США ужесточили санкции против Пакистана. В ответ Исламабад пригрозил

вновь, как в 2011 г., блокировать сухопутный и авиатранзит грузов для американских военнослужащих в Афганистане. Американцы спешно инициировали переговоры с Казахстаном об альтернативном маршруте переброски своих грузов. Афганские талибы ответили серией терактов.

Стратегия США в Афганистане и Южной Азии в 2017 г. подчеркивала лидирующую роль Индии в стабилизации афганской ситуации, которая рассматривала усиление роли Китая в афганских переговорах как средство ее выдавливания из Афганистана. В тот год Нью-Дели и Кабул инициировали «новое партнерство в целях развития», заявив о 100 новых проектах развития в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства, энергетики, управления ресурсами. Индия обещала реализовать проекты поставки питьевой воды в Кабул, строительства жилья эконом-класса для возвращающихся из Пакистана беженцев, прокладки сетей водоснабжения для города Чарикар и строительства поликлиники в Мазари-Шарифе. Как писали СМИ в Исламабаде и Карачи, Индия продвигала политику «стратегического окружения Пакистана» в регионе, утверждая, что именно он несет ответственность за все беды и страдания афганского народа. Исламабад и Пекин реагировали негативно.

Но очередным вызовом для них стал ультиматум президента А. Гани, заявленный сразу после визита госсекретаря США Р. Тиллерсона в октябре 2017 г. Подключение Афганистана к проекту КПЭК возможно при условии, если Кабулу будет предоставлен доступ к погранпереходам на границе Пакистана и Индии; в противном случае он ограничит транзит Исламабада к рынкам Центральной Азии. Отношения Афганистана и Пакистана вновь зашли в тупик.

И только настойчивость Пекина помогла их разблокировать. Он настоял на проведении трехсторонней встречи в декабре 2017 г. в рамках инициативы председателя КНР Си Цзиньпина по укреплению отношений и развитию сотрудничества.

Учитывая вариативность позиции президента А. Гани, Пекин в рассматриваемый период официально вел переговоры с политической оппозицией Кабула, в частности с Г. Хекматияром²². Лидер партии «Хебз-и-Ислами Афганистан» представлял собой общую кандидатуру политической оппозиции перед президентскими выборами в Афганистане 2019 г.²³

Планируя долгосрочное сотрудничество с Афганистаном, Пекин вел активную предпринимательскую деятельность, вкладывая инвестиции в экономику страны, а также участвовал в переговорном процессе с широким спектром политического истеблишмента и вооруженной оппозиции страны.

В последние годы ситуация с безопасностью в Афганистане осложнилась в результате перебазирования в страну из Сирии боевиков террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Опасаясь их перехода в Синьцзян, Китай активизировал переговоры с Кабулом о строительстве военной базы в районе Ваханского прохода, взяв обязательство финансировать проект и обучать афганских военнослужащих.

В июне 2018 г. Конгресс США вновь скорректировал афганский вектор своей внешней политики, учтя ее минимальные результаты на фоне постоянно выделяемых в течение 17 лет финансовых средств на военные и социальные нужды в ходе военной антитеррористической кампании США и НАТО.

Вашингтон продемонстрировал готовность участвовать в диалоге с ДТ, но на условиях совместных действий с представителями правительства национального единства Афганистана.

Многолетний отказ боевиков вести прямые переговоры с властями Кабула вновь «убедил» в декабре 2018 г. Белый дом скорректировать подходы к афганскому досье и к Исламабаду. Президент Д. Трамп направил письмо на имя премьер-министра Пакистана И. Хана с просьбой способствовать прямым переговорам с лидерами «Талибан». В конце 2018 г. в рамках организованного Исламабадом диалога представители Вашингтона и ка-

тарского офиса ДТ, без участия официальных властей Кабула, обсуждали два основных вопроса: график вывода всех иностранных войск (требование талибов) и форму государственного устройства Афганистана (требование Вашингтона). Переговоры состоялись, но вопрос американской стороны даже не обсуждался.

Ответом США стал трехсторонний формат переговоров Афганистан — Китай — Пакистан, организованный Пекином, который также состоялся в декабре 2018 г.

Современное состояние пакистано-китайских отношений по формуле «одной судьбы», т.е. совпадения коренных национальных интересов, способствовало тому, что военное командование Пакистана предоставило Китаю ряд своих «талибских» активов для запуска нового этапа Кабульского процесса под патронатом Пекина.

Администрация США выступила резко против усиления роли Китая в урегулировании афганского кризиса. В те дни Вашингтон нанес очередной удар по позициям Пекина в регионе — исключил иранской порт Чабахар из санкционной политики, усилив региональные позиции Индии.

Конфликт интересов Китая и США противоречит урегулированию внутриафганского кризиса независимо от того, сколько раундов проводится и каков формат мирных переговоров. Бенефициаром продолжающегося вооруженного противостояния в регионе остаются террористические группировки, поддерживаемые странами, которые их спонсируют. Время подтвердило, что Пекин выигрывает гонку за Афганистан.

1. Пуштуны — доминирующий, формирующий государство этнос Афганистана, искусственно отделенный от зоны пуштунских племен в пакистано-афганском пограничье. Пуштунский фактор (афганские и пакистанские пуштуны) был одним из основных для Пекина при разработке стратегии трехстороннего взаимодействия Китай — Афганистан — Пакистан.
2. *Kazанин М.В.* О роли КНР в мирном процессе в Афганистане. URL: <http://www.iimes.ru/?p=28278> (дата обращения: 08.05.2016).
3. China-Afghanistan Relations in 2009. URL: <http://af.china-embassy.org/eng/zagx/introduction/t853111.htm> (дата обращения: 30.08.2011).
4. China-Pakistan-Afghanistan the anti-terror tripod. URL: <http://www.mushahidhussain.com/news-detail.php?id=MjM1&pageid=media> (дата обращения: 13.02.2015).
5. Beijing in talks over military base in remote Afghanistan: officials. URL: <https://www.dawn.com/news/1386840/beijing-in-talks-over-military-base-in-remote-afghanistan-officials> (дата обращения: 02.02.2018).
6. East Turkistan Turkistan Islamic Party. URL: <http://www.thefrontierpost.com/china-says-afghan-president-vows-to-help-china-fight-militants/> (дата обращения: 29.10.2014).
7. Turkistan Islamic Party (TIP). URL: <https://www.trackingterrorism.org/group/turkistan-islamic-party-tip> (дата обращения: 12.11.2018).
8. Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017–2030). URL: <http://pc.gov.pk/uploads/среч/LTP.pdf> (дата обращения: 21.11.2017).
9. China says Afghan president vows to help China fight militants. URL: <http://www.dawn.com/news/1141147> (дата обращения: 29.10.2014).
10. US sees China, Russia and Iran as key players in Afghanistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1453661/us-sees-china-russia-and-iran-as-key-players-in-afghanistan> (дата обращения: 26.12.2018).
11. Turkistan Islamic Party target of Pakistani army incursion in North Waziristan. URL: http://www.longwarjournal.org/archives/2014/05/turkistan_islamic_party_target.php (дата обращения: 22.05.2014).
12. Foreign Secretary Attends First Round of China-Afghanistan-Pakistan Trilateral Strategic Dialogue, Meets with his Counterpart and Calls on Afghan Ministers. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=MjU1Mg> (дата обращения: 09.02.2015).
13. Record of the Press Briefing by Spokesperson on 09 July 2015. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=MjkyOA>, (дата обращения: 09.07.2015).

14. All eyes on the visit. URL: <http://nation.com.pk/columns/02-Oct-2015/all-eyes-on-the-visit> (дата обращения: 02.10.2015).
15. Afghanistan and India sign 'strategic partnership'. URL: <https://www.bbc.com/news/world-south-asia-15161776> (дата обращения: 04.10.2011).
16. Afghanistan, India inaugurate Friendship Dam. URL: <http://www.dawn.com/news/1262735/afghanistan-india-inaugurate-friendship-dam> (дата обращения: 06.06.2016).
17. The new Great Game. URL: <http://www.dawn.com/news/1264242/the-new-great-game> (дата обращения: 12.06.2016).
18. *Замараева Н.А.* Китайско-пакистанский экономический коридор и позиция Индия. URL: <http://va.ivran.ru/articles?artid=7258> (дата обращения: 25.03.2017).
19. Indian Army Chief calls for 'unconditional' India-Taliban talks. URL: <https://nation.com.pk/10-Jan-2019/indian-army-chief-calls-for-unconditional-india-taliban-talks> (дата обращения: 10.01.2019).
20. *Замараева Н.А.* Всеафганский процесс примирения: перспективы и вызовы. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27432#more-27432> (дата обращения: 13.02.2016).
21. *Замараева Н.* Пакистан и американская Стратегия в Афганистане и Южной Азии 2017 г. и реакция стран региона. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/09/10/pakistan-i-amerikanskaya-strategiya-v-afganistane-i-yuzhnoj-azii-2017-g/> (дата обращения: 10.09.2017).
22. Chinese envoy talk polls, peace process. URL: <https://thefrontierpost.com/hia-leader-chinese-envoy-talk-polls-peace-process/> (дата обращения: 26.10.2018).
23. *Замараева Н.А.* Пакистано-афганские отношения в условиях региональной трансформации (2016–2017 гг.) // Пакистан: история и современные проблемы: Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2018. С. 170–194.